

*Посвящается
Джеймсу Оливеру Ригни-старшему (1920–1988).
Он учил меня всегда гнаться за мечтой,
а достигнув ее, воплощать в жизнь*

И будет пред ним множество путей, и никому не будет ведомо его имя, ибо рожден будет он среди нас многожды, во многих обличьях, как был он рожден прежде и как всегда будет, и так бесконечно. Пришествие его подобно будет лемеху плуга, взрезающего пашню, переворачивающего жизни наши, срывая нас с мест, где обретались мы в безмолвии. Разрушающий узы; кующий цепи. Созидающий будущее; переменяющий предначертанное судьбой.

*Из «Комментариев к пророчествам о Драконе»
Джурит Дорине, правой руки
королевы Алморен, в год 742 Р. М.,
Третьей эпохи*

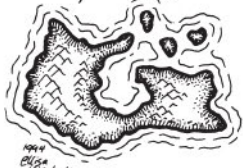
Мертвое море

океан Арийт

остров Тремалкин

1994
В.П. Казин

океан Арийт

Бандар Эбан

Фалие

Манчико

РЕКА ЛАГОН

АРАД ДОМАН

РЕКА АКУУМ

Китаро

СМИС ДОМАН

равнина

Алмот

Платиний Свар

Тенный лес

Джондов

Алг

РЕКА АНЛАКАР

ТАРАБОН

Элиора

Джеханнах

Торь тумана

Алидор

АМАДИЦИЯ

Берег Тени

Палец

Замерзшего

под Ветром

остров Куайм

Эбу Дар

РЕКА АРНИША

РЕКА АМА

РЕКА АМА

РЕКА АМА

РЕКА АМА

РЕКА АМА

РЕКА АМА

РЕКА АМА

РЕКА АМА

РЕКА АМА

Эбу Дар

САМА

Край Мира

ПРОЛОГ

Цитадель Света

Темные глаза Пейдрона Найола туманили тягостные раздумья, и его усталый взгляд скользил по залу для аудиенций, будто ничего не узнавая вокруг. По стенам, как простые потрепанные драпировки, свисали знамена, под которыми когда-то, во времена юности Найола, сражались его враги. Выцветшие боевые стяги терялись на фоне потемневших деревянных панелей, которыми были обшиты каменные стены, крепкие и массивные даже здесь, в самом сердце Цитадели Света. Единственное во всей комнате кресло — весомо сработанное, с высокой спинкой, мало отличное с виду от трона — тоже не существовало для невидящего взора Найола, как и несколько расставленных там и тут столов, что завершали скромную меблировку зала. Сейчас Найол будто бы и не замечал человека в белом плаще — тот, опустившись перед ним на колени и напряженно ожидая приказа, замер в центре громадного знака сияющего солнца, выложенного на широких плахах половиц. Хотя мало кто мог бы позволить себе подобную непочтительность по отношению к этому воину.

Прежде чем провести Джарета Байара в зал, предназначенный для личных аудиенций лорда капитан-командора Детей Света, ему дали время умыться и вернуть себе достойный вид, но и шлем, и кираса оставались тусклыми после долгого пути и сохранили вмятины, полученные в боях. Темные, глубоко посажен-

ные глаза Байара полыхали неудержимым, почти лихорадочным нетерпением, и от этого внутреннего жара с его лица, казалось, испарился всякий излишек плоти. Сейчас Джарет Байар не был опоясан мечом — никому не позволялось находиться при оружии в присутствии Найола, — однако чудилось, будто он в любой миг готов броситься в битву, точно гончая, только и ждущая, когда ее спустят с поводка.

В больших каминах, встроенных в стены друг против друга в концах зала, жарко пылало пламя, отгоняя стылый холод поздней зимы. В сущности, помещение представляло собой простой и скромный приют солдата, где все, что есть, сделано на совесть и без вычурностей, за исключением единственной экстравагантной детали — эмблемы сияющего, окруженного множеством лучей солнца. Убранство зала аудиенций лорда капитан-командора Детей Света менялось соответственно желаниям и вкусам того, кто удостоивался сего высшего звания; полыхающее же солнце из чеканного золота не раз бывало истерто поколениями просителей, заменено на новое и опять истерто. Золота здесь было довольно, чтобы приобрести любое имение в Амадиции, а заодно с ним обзавестись и грамотой, свидетельствующей о знатности покупателя. Но вот уже десятилетие подряд ступал по золоту Найол, и вряд ли мысли о драгоценном металле под ногами приходили ему в голову чаще, чем мысли о сияющем солнце, вышитом золотым шитьем на груди его белого облачения. Золото мало интересовало Пейдрона Найола.

В конце концов его блуждающий взгляд вновь обратился на бумаги, разбросанные на ближайшем столе: пестрели карты, в беспорядке валялись послания и донесения. Поверх вороха бумаг лежали три небрежно свернутых в трубочку рисунка. С явным нежеланием лорд капитан-командор взял один из них. Найолу было безразлично, который из трех рисунков оказался у него в руке, — все равно, пусть и разными рисовальщиками, на них изображена одна и та же сцена.

Тонкая, как выскобленный пергамент, кожа Найола за прожитые им долгие годы словно бы все туже обтягивала его тело, составленное, казалось, из одних костей да жил, однако ничто в нем не говорило о слабости. Столь высокого положения, которое занимал ныне Найол, еще никто не добивался, прежде чем седина забелит волосы, но всех его предшественников, как и его самого, отличала твердость камня, из которого сложен был Купол Истины. И все же, вдруг осознав, как на его собственной руке, держащей рисунок, от-

четливо, какими-то жгутами выступают сухожилия, он понял, что надо спешить. Времени оставалось в обрез. Времени, отпущенного именно *ему*, Найолу, оставалось в обрез. Однако этого времени должно хватить. Он должен сделать так, чтобы времени хватило.

Найол заставил себя наполовину развернуть свиток плотного пергамента, ровно настолько, чтобы свет упал на изображенное художником лицо человека, который весьма интересовал его. Рисункам пришлось проделать долгий путь в седельных сумках, отчего нанесенные цветными мелками линии оказались немного смазаны, однако черты лица оставались отчетливыми и узнаваемыми. Сероглазый юноша, с рыжинкой в волосах. Похоже было, что юноша высок, однако утверждать об этом с уверенностью Найол не стал бы. Если оставить в стороне оттенок волос молодого человека и цвет его глаз, то такой паренек мог бы жить в любом городе, не привлекая к себе особого внимания окружающих и вряд ли вызывая у них какие-то подозрения.

— И этот... этот *мальчишка* провозгласил себя Драконом Возрожденным? — пробормотал Найол.

Дракон... Это имя заставило Найола ощутить озноб зимы и старости. Прозвание Дракон носил Льюс Тэрин Теламон, так он именовался в те времена, когда обрек на погибель всех мужчин, способных направлять Единую Силу; всех их, живших тогда и рождавшихся впоследствии, обрек он на безумие и смерть — и себя в том числе. Более трех тысяч лет минуло с тех пор, как гордыня Айз Седай и Война Тени положили конец Эпохе легенд. Три тысячи лет прошло, и пусть многое истерлось из памяти людской, но пророчества и легенды помогли не забыть главного. Льюс Тэрин Убийца Родичей. Человек, который начал Разлом Мира — когда безумцы, могущие черпать из той силы, что приводит в движение Вселенную, уничтожали горные хребты, а древние земли тонули под толщей насланных на них морских вод. В те дни лик самой земли искажился, а те, кто сумел выжить, метались, будто лесные звери, убегающие от пожара. Конец всему наступил лишь тогда, когда пал мертвым последний из мужчин Айз Седай. Лишь тогда человеческая раса, истерзанная, рассеянная по миру, смогла начать заново выстраивать свою жизнь из оставшихся обломков — там, где уцелели хотя бы руины. Имя Дракона ожогом горело в памяти человечества, в страшных рассказах матерей передавалось оно детям. И пророчество гласит, что Дракон будет рожден вновь.

Произнесенные вслух слова Найол вовсе не полагал вопросом, но именно так их воспринял Байар, не замедлив с ответом:

— Да, милорд капитан-командор, именно так. Это безумие гораздо страшнее, чем в случае любого из Лжедраконов, о которых мне доводилось слышать. Уже тысячи провозглашают его имя. Гражданская война раздирает Тарабон и Арад Доман, притом что те еще и друг с другом воюют. По всей равнине Алмот, от края до края, происходят сражения, войной охвачен и весь мыс Томан. Тарабонцы против доманийцев, а те — против приспешников Темного, зывающих к Дракону, — или же так обстояли дела до самой зимы, которая охладила пыл большинства воюющих. Милорд капитан-командор, я не видел ни разу, чтобы война разгоралась столь стремительно. Все равно что бросить зажженный факел в амбар, набитый сеном. Снег, может, и притушит огонь, но с приходом весны пламя взметнется заново — выше и ярче, чем прежде.

Воздев палец, Найол прервал его. Уже дважды он позволил Байару изложить свой рассказ до конца, и голос того пылал ненавистью и гневом. О чем-то из случившегося Найолу успели сообщить иные вестники, о каких-то подробностях лорд капитан-командор был осведомлен больше Байара, но каждый раз, как приходилось выслушивать рассказ об этих событиях, его охватывала волна ярости и гнева.

— Джефрам Борнхальд и тысяча Детей Света погибли. И виной тому Айз Седай. В этом у тебя нет сомнений, чадо Байар?

— Ни малейших, милорд капитан-командор. После стычки, произошедшей на пути в Фалме, я заметил двух тарвалонских ведьм. Они дорого нам обошлись — более пятидесяти воинов из отряда погибло, прежде чем мы начинили их стрелами.

— А ты *уверен* — точно ли это были Айз Седай?

— Земля взрывалась у нас под ногами, как будто извергался вулкан. — Голос Байара звучал твердо, в нем звенела уверенность. Избытком воображения он не страдал, этот самый Джарет Байар; для него смерть, когда бы она ни явилась, была просто частью жизни солдата. — В наши ряды били молнии, а в небе — ни тучки. Кто бы еще это мог быть, как не они, милорд капитан-командор?

Найол с мрачным видом кивнул. Со времен Разлома Мира не существовало мужчин Айз Седай, но и от женщин, по-прежнему заявлявших о праве так именоваться, ничего хорошего ждать не приходилось. Они не уставали разглагольствовать о своих Трех

Клятвах: не говорить ни слова неправды, не создавать оружия, предназначенного для убийства одним человеком другого, а Единую Силу применять как оружие только против приспешников Темного или порождений Тени. Теперь же они делом доказали, что клятвы их столь же лживы, сколь двоедушны они сами. Найол всегда знал: никто не станет стремиться к такому могуществу, которым те обладали, чтобы бросить вызов самому Создателю, а сие значит — чтобы служить Темному.

— И тебе ничего не ведомо о тех, кто захватил Фалме и убил половину солдат одного из моих легионов?

— Лорд-капитан Борнхальд сказал, что они называют себя шончан, милорд капитан-командор, — сдержанно отвечал Байар. — Он говорил, что эти шончан — приспешники Темного. Своей атакой лорд-капитан разбил их, пусть даже они и убили его в бою. — Голос Байара вновь обрел страстность. — Город покинуло множество беженцев. И каждый, с кем я говорил, соглашался с тем, что чужаки были разбиты и бежали. И все это — благодаря лорду-капитану Борнхальду.

Найол едва заметно вздохнул. Почти теми же самыми словами Байар до того уже дважды рассказывал об армии, явившейся словно бы ниоткуда и занявшей Фалме, и сейчас повторял их в третий раз. «Байар — хороший солдат, как и говорил всегда Джефрам Борнхальд, — подумал Найол, — да только вот мыслить самостоятельно он не способен».

— Милорд капитан-командор! — внезапно заговорил Байар, обратившись к Найолу. — Лорд-капитан Борнхальд *лично* приказал мне держаться в стороне от битвы. Мне было велено наблюдать за сражением и затем обо всем доложить вам. И еще рассказать сыну его, лорду Дэйну, о том, как погиб в бою лорд-капитан Борнхальд.

— Да-да, разумеется, — нетерпеливо перебил Байара Найол. Какое-то время он изучал взглядом осунувшееся лицо Байара, затем промолвил: — В честности твоей и доблести никто не сомневается, Байар. Именно так и должен был действовать Джефрам Борнхальд, готовясь вступить в битву, в которой могли погибнуть и он, и все командиры его отряда. — «И вовсе не так должно было действовать, а вот для этого у тебя просто не достанет воображения».

Что ж, у Байара больше ничего не выведать.

— Ты хорошо послужил, чадо Байар! Даю тебе дозволение известить о гибели Джефрама Борнхальда его сына. Дэйн Борн-

хальд сейчас вместе с Эмоном Валдой — судя по последнему докладу, они находятся возле Тар Валона. Разрешаю тебе присоединиться к ним.

— Благодарю вас, милорд капитан-командор. Спасибо. — Поднявшись с колен, Байар отвесил Найолу низкий поклон. Он выпрямился, однако замешкался — его как будто мучили сомнения. — Милорд капитан-командор, мы были *преданы*. — Ненависть острой пилой прорезалась в его голосе.

— Тем самым приспешником Темного, о котором ты уже говорил, чадо Байар? — Найол не сумел сдержать резкости в своем голосе. Рухнули многолетние планы, погребенные под телами тысячи погибших Детей Света, а у Байара в мыслях только одно, и ничего другого, — все твердит единственное имя. — Это тот юный ученик кузнеца, которого ты всего пару раз и видел-то? Этот Перрин из Двуречья?

— Так точно, милорд капитан-командор! Не знаю, как и что он сделал, но всему виной именно он. Я знаю это наверняка.

— Я разберусь с этим, чадо Байар, и решу, как с ним можно будет поступить. — Байар явно намеревался вновь что-то сказать, но Найол опередил его, предостерегающе подняв худую руку. — Теперь я позволяю тебе удалиться. — И сухопарому мужчине с исхудалым лицом не оставалось ничего иного, кроме как вновь поклониться и покинуть зал аудиенций.

Когда дверь за Байаром закрылась, Найол позволил себе опуститься в кресло с высокой спинкой. Чем же навлек на себя ненависть Байара этот Перрин? В мире много, слишком уж много приспешников Темного, чтобы тратить силы на ненависть к кому-либо одному из них, кому-то конкретному. Да, много, очень много их, приспешников Темного, как угнездившихся на вершинах власти, так и затаившихся в самых низах; они скрывают свою суть за хорошо подвешенными языками и за широкими улыбками, а сами служат Темному. И все же не повредит добавить в списки еще одно имя.

Найол поерзал на жестком кресле, стараясь поудобнее устроить свои старые кости. Не в первый раз его посетила мимолетная мысль о том, что подушка на сиденье, пожалуй, могла бы оказаться не столь уж великой роскошью. И не в первый раз он отбросил от себя эту мысль. Мир неудержимо катился в хаос, и у Найола не было времени на то, чтобы попустительствовать собственной старости.

Он позволил своему сознанию жонглировать и кружить перед его мысленным взором всеми теми знаками, что предрекали катастрофу. Война крепко вцепилась в Тарабон и Арад Доман, гражданская междоусобица раздирает Кайриэн, лихорадка бойни начинает охватывать Тир с Иллианом, что исстари были и остаются по сей час врагами друг другу. Быть может, эти разгорающиеся войны сами по себе ничего и не предвещают — люди всегда воюют, — но обычно войны происходили по одной заразе. И теперь еще и Лжедракон появился где-то на равнине Алмот! А помимо него, еще один Лжедракон рвал на части Салдэйю, а третий стал сущим бедствием для Тира. Сразу три Лжедракона. «Они все должны быть Лжедраконами! Должны ими быть!»

А еще ведь были десятки прочих знаков, рядом с этими предзнаменованиями казавшихся пустячными, хоть иные и выглядели чистой выдумкой и беспочвенными слухами, однако взятые вместе... Докладывали об айильцах, замеченных далеко на западе, в Муранди и в Кандоре. Пускай их видели то там, то тут лишь по двое, по трое, но какая разница, один айилец или тысяча, ведь за все годы, минувшие после Разлома Мира, Айил выступили из своей Пустыни лишь однажды. Только раз, в Айильскую войну, оставили они свою бесплодную глухомань. А еще поговаривали, что Ата'ан Миэйр, Морской народ, как будто позабыв о торговле ради поисков знамений и предвестий — каких именно, они не раскрывали никому, — выходят в море, заполнив трюмы своих кораблей всего лишь наполовину, а то и вовсе без груза. Впервые за неполные четыре сотни лет в Иллиане провозгласили Великую охоту за Рогом, и охотники отправились на поиски легендарного Рога Валир, о котором пророчество утверждает, будто он поднимет всех мертвых героев из могил и выйдут они сражаться в Тармон Гай'дон, в Последней битве против Тени. Ходили слухи и о том, что огиры — всегда слывшие затворниками и сторонившиеся людей, отчего большинство простых смертных считали их легендой, — созывают встречи между обитателями своих *стеддингов*, столь отдаленных один от другого...

Но для Найола самым важным и значительным было то, что Айз Седай, судя по всему, ныне стали действовать не скрываясь. Ходили слухи о том, что они уже послали нескольких своих сестер в Салдэйю, чтобы те дали отпор появившемуся там Лжедракону. Тот, носивший имя Мазрим Таим, был способен направлять Единую Си-

лу — что было редкостью среди мужчин. Сама по себе подобная способность внушала страх и презрение, и мало кто полагал, будто такого мужчину возможно одолеть без помощи Айз Седай. Лучше согласиться принять помощь Айз Седай, чем дожидаться неотвратимых кошмаров, когда тот сойдет с ума, а безумие для подобных Таиму мужчин — неизбежный конец. Но по-видимому, в Тар Валоне решили отправить и других Айз Седай — в подмогу другому Лжедракону, в Фалме. Иного вывода из имеющихся фактов не сделать.

Сложившаяся из этой мозаики картина пробрала Найола морозным холодом до мозга костей. Хаос множился; то, что было неслыханно прежде, происходило повсюду. Казалось, весь мир дробится, исходит на крошево, взбивается, бурлит и вот-вот вскипит. Ему это виделось ясно и отчетливо. И в самом деле близится Последняя битва.

Все его планы разрушены, а ведь эти планы призваны были прославить его имя среди Детей Света, и его помнили бы сотни грядущих поколений. Впрочем, в сумятице неминуемо возникнут иные возможности, нужно лишь воспользоваться удобным случаем, и Найол уже готовил новые планы, намечал новые цели. Только бы ему достало сил и воли осуществить свои замыслы.

«Свет, дай мне продержаться, сколько надо, позволь прожить подольше и все успеть».

Из моря мрачных мыслей Найола вырвал почтительный стук в дверь.

— Входи! — отрывисто приказал он.

Слуга, в куртке и бриджах форменных гербовых цветов — белое с золотом, шагнул через порог и низко поклонился. Потупя очи долу, слуга возгласил, что Джайхим Карридин, помазанник Света, инквизитор Десницы Света, явился по приказу лорда капитан-командора. Следом, не дожидаясь разрешения Найола, в зал вошел Карридин. Найол жестом велел слуге удалиться.

Дверь в зал аудиенций еще не успела полностью закрыться, как Карридин, картинно взмахнув белоснежным плащом, преклонил колена. Спереди на плаще красовалась эмблема — сияющее солнце, наложенное на алый пастырский посох-ерлыгу; последний символ свидетельствовал о принадлежности его носителя к Деснице Света, членов которой называли Вопрошающими, а многие — так и попросту допросниками, хотя редко — в лицо.

— Вы приказали мне явиться, милорд капитан-командор, — промолвил Карридин громким голосом, — и я возвратился из Тарабона.

Найол окинул взглядом Карридина. Это был высокий, давно вошедший в зрелый возраст мужчина, однако крепкий и мускулистый, хоть седина и коснулась его волос. Как всегда, его черные, глубоко посаженные глаза пронизательно блестели. И Карридин даже не моргнул под пристальным взором лорда капитан-командора. Мало кто мог похвалиться настолько чистой совестью либо настолько крепкими нервами. По-прежнему коленопреклоненный, Карридин ожидал так спокойно, будто бы для него было обыденным делом получить лаконичный приказ оставить свое войско и незамедлительно вернуться в Амадор, причем без объяснения причин срочного вызова. Впрочем, поговаривали, что Джайхим Карридин терпением и выдержкой способен потягаться с валуном.

— Поднимись, чадо Карридин. — И когда тот выпрямился во весь рост, Найол промолвил: — Я получил из Фалме тревожные известия.

Отвечая, Карридин разглаживал складки своего плаща. Несмотря на должное уважение, его голос звучал так, словно он разговаривал с равным по положению человеком, а не с главой Чад Света, которому поклялся повиноваться до самой смерти.

— Милорд капитан-командор имеет в виду вести, что принес ему чадо Джарет Байар, в недавнем прошлом помощник лорда-капитана Борнхальда?

У Найола задергалось левое веко, что с давних пор служило предвестником закипающего гнева. По его предположениям, о прибытии Байара в Амадор знали лишь трое и, за исключением Найола, никому не было ведомо, откуда тот явился.

— Не переусердствуй, Карридин. Однажды стремление все разузнать может привести тебя в руки твоих же допросников.

Карридин остался невозмутим, лишь слегка поджал губы, услышав оскорбительное прозвание.

— Милорд капитан-командор, Десница выискивает истину повсюду, дабы служить Свету.

Служить Свету. Но не Детям Света. Все Чада служили Свету, но Пейдрон Найол нередко задавался вопросом: а считают ли Вопрошающие себя действительно частью Детей Света?

— И какую же истину ты, Карридин, готов мне раскрыть о случившемся в Фалме?

— Друзья Темного, милорд капитан-командор.

— Друзья Темного? — Приглушенный смешок Найола прозвучал совсем невесело. — Несколько недель тому назад я получал от тебя доклады, что Джефрам Борнхальд обернулся прислужником Темного, поскольку, вопреки твоим приказам, отправил солдат на мыс Томан. — Голос Найола сделался опасно тихим. — Не хочешь ли ты убедить меня сейчас, что Борнхальд, сам будучи приспешником Темного, повел тысячу Детей Света биться насмерть с другими друзьями Темного?

— Был он другом Темного или не был, теперь никогда не станет известно, — мягко сказал Карридин, — он умер прежде, чем его призвали к ответу. Происки Тени темны и туманны и зачастую кажутся безумными тем, кто идет в Свете. Но Фалме захватили приспешники Темного, и в том у меня нет сомнений. Друзья Темного и Айз Седай, оказавшие поддержку Лжедракону. Не что иное, как Единая Сила, уничтожила Борнхальда и его воинов, в этом я уверен, милорд капитан-командор, и именно она уничтожила армии, которые Тарабон и Арад Доман послали против друзей Темного, окопавшихся в Фалме.

— А что это за рассказы, будто те, кто захватил Фалме, явились из-за Аритского океана?

Карридин покачал головой:

— Милорд капитан-командор, в народе ходит уйма всяких слухов. Некоторые утверждают, будто то были армии, которые Артур Ястребиное Крыло тысячу лет назад отправил за океан и которые теперь возвращаются, чтобы заявить права на нашу землю. Что ж, некоторые даже заявляют, будто видели в Фалме самого Артура Ястребиное Крыло. И вдобавок половину героев из легенд и сказаний. Запад, от Тарабона до Салдэйи, бурлит, и каждый день сотнями всплывают новые слухи, нелепее и безумнее прежних. Эти так называемые шончан были не более чем сбродом из приспешников Темного, собравшихся, чтобы поддержать Лжедракона, только на сей раз им в открытую оказали помощь Айз Седай.

— Какие у тебя имеются доказательства? — Найол произнес эти слова таким тоном, словно высказанные доводы не вызывали у него доверия. — Ты захватил пленников?

— Нет, милорд капитан-командор, не захватил. Как чадо Байар, несомненно, рассказал вам, Борнхальду удалось нанести им тяжкий урон, вынудив рассеяться. И безусловно, никто из тех, кого мы допрашивали, не признался в том, что выступал в поддержку Лжедра-

кона. Что касается доказательств... их можно разделить на две части. Позволит ли мне милорд капитан-командор?..

Нетерпеливым жестом Найол разрешил Карридину продолжать.

— Первая часть — доказательство от противного. Редкие корабли пытались пересечь океан Арит, и большинство смельчаков так и не вернулись. Те же, кто смог возвратиться, повернули назад раньше, чем у них подошли к концу запасы воды и еды. Даже Морской народ не пересекает Аритский океан, а они ведь плавают везде, где можно вести торговлю, даже ходят к землям за Айильской пустыней. Милорд капитан-командор, если и есть какие-то земли за океаном, то они находятся вне досягаемых пределов — океан слишком обширен. Перевезти армию через океан столь же невозможно, как перелететь через него.

— Наверное, — медленно сказал Найол. — Это определенно кое о чем говорит. Что у тебя за вторая часть?

— Милорд капитан-командор, многие из допрошенных нами свидетельствовали о чудовищах, сражающихся на стороне приспешников Темного, и от своих показаний они не отказывались, даже когда приходилось прибегать к последней стадии допроса. Кем же могут быть те чудовища, как не троллоками и прочими отродьями Тени, каким-то образом доставленными из Запустения? — Карридин развел руками, словно подводя итоговую черту. — Большинство людей полагают, что троллоки — это всего-навсего небылицы, досужие рассказы и вздор, а прочие уверены, что их всех перебили в Троллоковых войнах. Как еще они могли назвать троллока, если не чудовищем?

— Да. Да, может быть, ты и прав, чадо Карридин. Возможно, я бы сказал. — Найол не собирался тешить самолюбие Карридина, выразив свое согласие с его аргументами. «Пусть немного помучается». — Но что насчет него? — Он указал на свернутые портреты. Насколько он знал Карридина, у инквизитора в покоях наверняка имелись свои рисунки, подобные этим. — Насколько он опасен? Способен ли он направлять Единую Силу?

Инквизитор пожал плечами:

— Может быть, он способен направлять, а может, и нет. Вне всяких сомнений, Айз Седай, если захотят, смогут убедить людей, будто и кот способен направлять Силу. А что касается того, опасен ли он... Любой Лжедракон опасен, пока не повержен, а такой, у кого за спиной не таясь стоит Тар Валон, опаснее вдесятеро. Но сейчас он не так опасен, как может стать через полгода, если не дать

ему отпор. Те пленники, которых я допрашивал, самого Лжедракона не видели ни разу и понятия не имеют, где он находится ныне. Его силы разобщены. Сомневаюсь, что в каком-то одном месте собрано вместе больше двух сотен его сторонников. Смести их с лица земли под силу даже тарабонцам и доманийцам, даже им по отдельности, не будь они так увлечены междоусобицей.

— Даже Лжедракона, — бесстрастно промолвил Найол, — достаточно, чтобы заставить их забыть четырехсотлетнюю свару за обладание равниной Алмот. Как будто кто-то из них в силах удерживать ее.

Выражение лица Карридина не изменилось, и Найол задумался о том, как инквизитору удастся быть столь невозмутимым.

«Недолго тебе оставаться спокойным, Вопрошающий».

— Это не важно, милорд капитан-командор. Зима удержит всех в лагерях, возможны только случайные стычки и редкие рейды. Когда же погода станет теплее и войска получают возможность передвигаться... Борнхальд забрал с собой на погибель на мысе Томан лишь половину своего легиона. Со второй половиной я до смерти затравлю этого Лжедракона. Мертвец никому не опасен.

— А если ты столкнешься с тем, что, по-видимому, встретил Борнхальд? С Айз Седай, направляющими Силу для убийства?

— Колдовство не защитит их от стрел или кинжала в ночи. Умирают они столь же быстро, как и любой другой. — Карридин улыбнулся. — Обещаю вам: я преуспею еще до наступления лета.

Найол кивнул. Теперь его собеседник был уверен в себе, даже слишком. Уверился, что если опасные вопросы и имелись, то они уже прозвучали.

«Тебе, Карридин, стоило бы не забывать, что меня считали превосходным тактиком».

— А почему, — негромко спросил Найол, — ты не повел в Фалме свои собственные силы? Раз на мысе Томан обосновались друзья Темного, а их войска захватило Фалме, то почему ты пытался остановить Борнхальда?

Карридин моргнул, однако его голос не утратил твердости.

— Поначалу были одни лишь сплетни, милорд капитан-командор. Слухи столь дикие, что никто в них не верил. Ко времени, когда я узнал истину, Борнхальд уже вступил в битву. Он погиб, и приспешники Темного рассеялись. Кроме того, моей задачей было нести Свет на равнину Алмот. Я не мог нарушить данные мне приказы, ради того чтобы гоняться за слухами.

— Твоей задачей? — сказал Найол, вставая и возвышая голос. Карридин был на голову выше его, но инквизитор отступил на шаг. — Твоей задачей? Твоей задачей было захватить равнину Алмот! Пустое ведро, никем не удерживаемое, разве что на словах и громогласными претензиями, и все, что от тебя требовалось, — наполнить его. Вновь бы появилась страна Алмот, и была бы она под властью Детей Света, и им не нужно было бы лицемерно уверять в своей преданности болвана-короля. Амадиция и Алмот и зажатый ими в тиски Тарабон. Через пять лет мы бы властвовали там столь же твердо и уверенно, как и здесь, в Амадиции. А ты все пустил псу под хвост!

Улыбка Карридина наконец-то пропала.

— Милорд капитан-командор! — запротестовал он. — Как же я мог предвидеть то, что случилось? Еще один Лжедракон. Тарабон и Арад Доман в конце концов начали войну, после того как столько лет лишь рычали друг на друга и скалили клыки. И Айз Седай, раскрывшие свою истинную суть после трех тысяч лет обмана! Хотя даже после такого еще не все пропало. Я могу найти и уничтожить этого Лжедракона, пока его последователи не успели объединиться. И как только тарабонцы и доманийцы ослабят друг друга, равнину можно будет очистить от них без...

— Нет! — оборвал его Найол. — Конец твоим планам, Карридин. Наверное, мне следует прямо сейчас передать тебя в руки твоих Вопросающих. Верховный инквизитор вряд ли станет возражать. Он до скрежета зубовного жаждет найти, на кого бы возложить вину за случившееся. Кого-то из своих он никогда бы не выставил виновным, но сомневаюсь, что он станет перечить, если я назову твое имя. Несколько дней под допросом — и ты признаешься в чем угодно. Даже себя назовешь другом Темного. Не пройдет и недели, как ты окажешься на эшафоте, под топором палача.

Бусинки пота выступили на лбу Карридина.

— Милорд капитан-командор... — Он запнулся, сглотнул. — Кажется, милорд капитан-командор говорит, что есть и иная возможность. Ему достаточно только сказать о ней, и я клянусь подчиниться.

«Сейчас, — подумал Найол. — Пора метнуть кости на игральную доску».

По коже побежали мурашки, словно бы он оказался на поле боя и внезапно понял, что вокруг него на сотню шагов — одни враги, все до единого — только враги. Не бывало такого, чтобы лорды

капитан-командоры отправлялись на свидание с плахой и палачом, но всем известно не про один случай, когда кто-то из них вдруг умирал и, наскоро оплаканный, был поспешно заменен на высоком посту теми, чьи взгляды не представляли опасности.

— Чадо Карридин, — решительно сказал Найол, — ты обязан будешь приложить все силы, дабы этот Лжедракон не погиб. И если какие-то Айз Седай явятся противостоять ему, а не поддержать его — ты пустишь в ход свои «кинжалы в ночи».

У инквизитора отвисла челюсть. Однако он быстро пришел в себя, устремив на Найола изучающий взгляд.

— Убивать Айз Седай — мой долг, но... Позволить Лжедракону свободно бродить по миру? Это... это было бы... изменой. И кощунством.

Найол глубоко вздохнул. Он буквально кожей чувствовал невидимые кинжалы, подстерегающие в тенях. Но первый шаг уже сделан, и отступить поздно.

— Не будет изменой сделать то, что должно быть сделано. И даже кощунство можно стерпеть ради благого дела. — Одних этих двух фраз было достаточно, чтобы обречь Найола на смерть. — Ведомо ли тебе, чадо Карридин, как объединить людей под своим началом? Как это сделать быстрее всего? Не знаешь, нет? Выпусти на улицы льва — бешеного льва. И когда паника охватит людей, когда от ужаса у них душа в пятки уйдет, спокойно скажи им, что со всем разберешься. Потом ты убиваешь льва и приказываешь им повесить тушу на самом видном месте. И прежде чем они опомнятся, отдаешь другой приказ, и они подчинятся ему. И если ты продолжишь им приказывать, они будут покорно исполнять твои приказы, потому что именно ты был их спасителем. И кому же, как не тебе, лучше возглавить их?

Карридин неуверенно повел головой:

— Вы намерены... захватить их, милорд капитан-командор? Взять под свою руку? Не только одну равнину Алмот, но еще и Тарабон с Арад Доманом?

— Что я замыслил, то ведомо лишь мне. Тебе же должно подчиняться, ведь ты именно это и поклялся делать. Уже к ночи я ожидаю донесений об отправленных на равнину гонцах на быстрых скакунах. Уверен, тебе известно, в каких словах надо составлять приказы, чтобы никто не заподозрил того, чего им знать не положено. Если тебе понадобится задать кому-то трепку или совершить

на кого-то набег, пусть это будут тарабонцы и доманийцы. Это не даст им убить моего льва. Нет уж, во имя Света, мы силой принудим их к миру.

— Как прикажет милорд капитан-командор, — учтиво произнес Карридин. — Слушаю и повинуюсь.

Излишне учтиво.

От улыбки Найола повеяло ледяным холодом.

— На случай, коли твоя клятва недостаточно крепка, знай: если этот Лжедракон умрет прежде, чем я отдам приказ предать его смерти, или если его захватят тарвалонские ведьмы, то однажды утром тебя найдут с кинжалом в сердце. И если со мной что-то произойдет... какой-нибудь несчастный случай... даже если я просто умру от старости — ты не переживешь меня и на месяц.

— Милорд капитан-командор, я же дал клятву повиноваться...

— Так ты и сделал, — оборвал его Найол. — Вот и не забывай своей клятвы. А теперь — ступай!

— Как прикажет милорд капитан-командор. — На сей раз голос Карридина не был столь же спокойным.

Дверь за инквизитором закрылась. Найол потерял руки. Его дожимал холод. Катились, кувыряясь, игральные кости, и никак не угадаешь, какие грани они покажут, когда останутся. Воистину грядет Последняя битва. Не мифическая Тармон Гай’дон, когда, по утверждениям легенд, вырвется на волю Темный, а против него встанет Дракон Возрожденный. Нет, вовсе не та, он был уверен. Жившие в Эпоху легенд Айз Седай сумели проделать отверстие в узилище Темного в Шайол Гул, но Льюс Тэрин Убийца Родичей и его Сотня спутников запечатали ее заново. Ответный удар навсегда запятнал мужскую половину Истинного Источника и вверг их в безумие, и так начался Разлом Мира, но любой из тех древних Айз Седай был способен совершать такие деяния, которые не по силам и десятку сегодняшних тарвалонских ведьм. Наложенные ими древние печати выстоят.

Пейдрон Найол был человеком беспристрастно-холодной логики и здраво рассуждал о том, каким может быть Тармон Гай’дон. Орды звероподобных троллоков устремляются на юг, вырвавшись из Великого Запустения, как то произошло две тысячи лет назад, в Троллоковы войны; во главе их полчищ Полулюди — мурддраалы, — возможно даже, что командовать будут и люди, новые Повелители ужаса из числа приспешников Темного. Под их натиском человечество, расколотое на грызущиеся друг с другом государства,

не устоит. Но он, Пейдрон Найол, объединит все человечество под знаменами Детей Света. Сложат новые легенды, повествующие о том, как бился Пейдрон Найол в Тармон Гай'дон и как он победил.

— Во-первых, — пробормотал он, — выпустить на улицы бешеного льва.

— Бешеного льва?

Найол резко развернулся на каблучке, оглянувшись на выскользнувшего из-за одного из свисавших со стены знамен костлявого человечка с большим, напоминающим клюв носом. Найол успел заметить закрывающуюся панель, и полотнище стяга вновь ровно легло вдоль стены.

— Ордейт, для чего я показал тебе этот тайный проход? — рявкнул Найол. — Дабы ты являлся по моему вызову так, чтобы об этом не узнало полцитадели! А вовсе не для того, чтобы ты мог подслушивать мои разговоры.

Ордейт прошел через комнату, приблизился к Найолу и отвесил тому вежливый поклон:

— Подслушивать, великий лорд? Я бы никогда не стал так поступать. Просто я только что явился и поневоле услышал ваши последние слова. Не более того.

Губы Ордейта кривила полуулыбка-полуусмешка, которая, по наблюдениям Найола, никогда не покидала лица — даже тогда, когда тот полагал, что его никто не видит.

Месяц назад, в середине зимы, неуклюжий коротышка появился в Амадиции, оборванный и полумертвый от холода, и каким-то образом ухитрился языком проложить себе дорогу через все караулы и через всех охранников к самому Пейдрону Найолу. Казалось, он хорошо осведомлен о событиях на мысе Томан, причем в таких подробностях, которые не нашли отражения не только в равной степени пространных и невразумительных донесениях Карридина, но и в рассказе Байара, не говоря уже обо всех прочих докладах и слухах, что доходили до Найола. Имя, каковым назвался чужак, было, разумеется, ненастоящим. На древнем наречии слово «ордейт» означает «попынь». Когда Найол высказал свои сомнения по этому поводу, тот ответил лишь: «Кто мы были такие — люди давно позабыли, а жизнь горька». Но был он далеко не глуп. Именно он помог Найолу увидеть узор в круговерти отдельных событий.

Ордейт шагнул к столу и взял один из рисунков. Когда он развернул рисунок достаточно для того, чтобы открыть лицо изобра-

женного на нем юноши, вечная улыбка на физиономии Ордейта растянулась почти до гримасы.

Найол все еще сердился, оттого что Ордейт явился к нему в приемный зал без вызова.

— Ты находишь Лжедракона забавным, Ордейт? Или он напугал тебя?

— Лжедракон? — тихо промолвил Ордейт. — Да. Да, разумеется, именно так. Кем же иначе ему быть? — И он разразился лающим смехом, скорее смахивающим на кашель, который, точно напильником, прошелся по нервам Найола.

Порой Найол думал, что Ордейт наполовину — если не совершенно — безумен. «Тем не менее, помешанный он или нет, в остром уме ему не откажешь».

— Ты что имеешь в виду, Ордейт? Ты говоришь так, будто он тебе знаком.

Ордейт вздрогнул, словно успел позабыть о присутствующем рядом лорде капитан-командоре.

— Знаком мне? О да, я знаю его. Имя его — Ранд ал'Тор. Родом из Двуречья, из глухого уголка Андора, и он — приспешник Темного, настолько глубоко погрязший в Тени, что душа у вас скукожится, знай вы об этом хоть половину.

— Двуречье... — задумчиво протянул Найол. — Кто-то уже рассказывал мне о другом приспешнике Темного родом из Двуречья, еще об одном юноше. Странно слышать, что друзья Темного появляются из подобных краев. Хотя, говоря откровенно, они вообще повсюду.

— О другом, великий лорд? — сказал Ордейт. — Из Двуречья? Уж не Мэтрим ли это Коутон или Перрин Айбара? С тем они одногодки и едва ли отстают от него на пути зла.

— Мне докладывали, что он именовался Перрином, — хмурясь, промолвил Найол. — Так ты говоришь, их трое? В Двуречье почти ничего нет, оттуда привозят лишь табак да шерсть. Сомневаюсь, найдется ли какой иной край, народ которого был бы более оторван от остального мира.

— В городах друзья Темного вынуждены так или иначе скрываться, таить свою натуру. Им нужно связываться с другими, через чужестранцев, которые приходят из иных мест и отправляются дальше, дабы оповещать прочих об увиденном. Но в тихих деревеньках, отрезанных от мира, куда редко забредают чужаки...